

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. ЖАНДАРМ И ДИПЛОМАТ	5
Глава вторая. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЧЕРВОНЦЫ	23
Глава третья. НА МУШКЕ У ПРЕЗИДЕНТА.	43
Глава четвертая. СОБЛАЗНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	66
Глава пятая. ЗАКОН МОИСЕЯ НА ПРИИСКАХ	89
Глава шестая. ТИГРОЛОВЫ	113
Глава седьмая. В ГОСТЯХ У КИТАЙСКОГО СТАРОСТЫ.	143
Глава восьмая. КРАСНОБОРОДЫЕ БАНДИТЫ	155
Глава девятая. ОДНА ЗНАКОМАЯ ГИМНАСТКА.	173
Глава десятая. СМЕРТЕЛЬНОЕ РАҢДЕВУ.	191
Глава одиннадцатая. ВОЛЧЬЯ ОРХИДЕЯ	213
Глава двенадцатая. ОПЯТЬ АНГЛОСАКСЫ	226
Глава тринадцатая. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ	238
Глава четырнадцатая. КИТАЙСКИЙ УЛЬТИМАТУМ	264
Глава пятнадцатая. ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ.	292

Глава первая

ЖАНДАРМ И ДИПЛОМАТ

23 июля 1885 года, утром, однако не так чтобы очень ранним, а соответственно приличиям и служебному распорядку, то есть часов около девяти, из Главного дома Нижегородской ярмарки вышли два человека, или, точнее сказать, два служащих городского жандармского управления. Первый, повыше и более изящного сложения, был жандармский вахмистр Песцов, вторым шел унтер-офицер Огольцев. Оба были одеты в полную форму: при синих мундирах, той же расцветки фуражках, белых портупях и красных аксельбантах, что, с точки зрения обывателя, делало их похожими друг на друга, словно это были родные или по меньшей мере двоюродные братья. Впрочем, человек опытный прекрасно умел различить детали и видел, что на погонах у вахмистра располагается широкий фельдфебельский галун, а подчиненный его может похвастаться лишь двумя узкими полосками, не говоря уже о таких очевидных вещах, как белый воротничок старшего по званию и белые же перчатки, каковых не было и быть не могло у нижнего чина. Кроме того, Песцов имел изящные, почти офицерские усики, а подносье унтера украшали два толстых пшеничных колоса, производивших необычайное по силе впечатление

на женское население Канавинской слободы — как крестьянского, так и мещанского сословия. В остальном же, действительно, бравых служак трудно было отличить друг от друга, если только не иметь в виду чина и получаемого соответственно чину денежного содержания.

Так или иначе, оба жандарма всем своим видом являли наглядный символ благонадежности и отваги, каковой символ справедливо было бы отнести ко всему Отдельному корпусу жандармов, а не только к нижегородскому его управлению.

Главный ярмарочный дом, из которого сейчас вылупились на свет божий оба жандарма, был зданием во всех отношениях замечательным — не так, впрочем, по архитектуре, как по содержанию. Николай Михайлович Баранов — нижегородский военный губернатор и изобретатель винтовки своего имени — с присущим ему изяществом и глубоким постижением самой сути предмета называл Главный дом «административным сердцем ярмарки». Это была чистая правда, тем более удивительная, что исходила она из уст человека, облеченного весьма значительной властью, а от таких людей рядовые обыватели, как правило, не ждут ничего, кроме головокружительного по силе вранья.

На время ярмарки, то есть с 15 июля по 25 августа каждого года, в Главный дом непременно порядком переселялся сам нижегородский губернатор и вся его администрация. Здесь же получало временное пристанище и местное жандармское управление — гнездо законности и бдительности, коего вышеуказанные птенцы Песцов и Огольцев явились сейчас во всей своей красе на главной площади.

Отсюда шагом хоть и не вполне парадным, но все же весьма внушительным вахмистр и унтер-офицер

проследовали в сторону торговых рядов Гостиного Двора, окруженных Обводным каналом, созданным по проекту архитектора и строителя Августина Бетанкура. Означенный Бетанкур родился в Испании, но позже благоразумно признал выгоды и преимущества русской жизни и перешел в службу Российской империи, своим примером показав любознательным потомкам, что, хотя многие и стремятся уехать из богоспасаемого нашего отечества, никому не заказан также и въезд в него — со всеми истекающими отсюда последствиями.

Впрочем, до самих рядов Гостиного Двора, которых в пределах Обводного канала насчитывалось двенадцать, жандармы не дошли, а двинулись вдоль по Царской улице в сторону Канавинской, или, иначе, Кунавинской, слободы. Если бы, однако, они все же направились через торговые ряды в сторону Спасского собора и далее, то увидели бы много интересного, вплоть до печально известной Самокатной площади, славной своими монументальными каруселями, называемыми местной публикой самокатами, и румяными барышнями легкого поведения, которые в любую погоду кокетливо на этих самокатах вращаются, заманивая в любовные тенета сладострастное мужское сословие. В сем двусмысленном районе праздные гости ярмарки обычно предавались развлечениям и безудержному разврату, каковой не исчерпывался совместным с барышнями посещением номеров, а простирался много дальше — вплоть до играемых тут же театральных представлений.

Правду сказать, на Самокатной площади ни полиция, ни тем более жандармы обычно не показывались, чтобы попусту не портить почтеннейшей публике праздничного настроения.

— Должно же где-то быть для людей и отдохновение сердца, — глубокомысленно замечал вахмистр Песцов, если вдруг в откровенных беседах возникало недоумение, отчего на Самокатах нет совсем никакой полиции и даже намек на нее, притом что дела там иной раз творятся не только незаконные, но и страшные — грабежи, отравления, убийства, взаимное лупцевание и прочие мерзости русской жизни, которые позже уроженец Нижнего Новгорода босяцкий писатель Максим Горький метко назовет свинцовыми.

Ну и, кроме того, порядок на Самокатах лучше любой полиции блюла здешняя публика, в первую очередь трактирщики, под недреманным оком и сильной рукой которых тут и происходило все вышеописанное веселье, не говоря уже о вещах более кардинальных, на которые, пожалуй, человеку непривычному, штатскому, и смотреть нежелательно.

Но, как уже говорилось, жандармы отправились в сторону Канавинской слободы, где во время ярмарки размещались иногородние и иностранные гости, которых тут оказывалось немало, включая даже и американцев, ежегодно закупавших здесь до миллиона аршин холста.

Оставив по левую руку затон Оки, вахмистр и унтер прошли до конца Царской улицы и вышли к Канавинской слободе, где располагалось множество гостиниц и постоялых дворов самой разной, в том числе и весьма средней, руки; некоторые не имели даже собственного имени, а на фасадах писалось лишь скромное «Гостиница и номера». Изобилие такого рода подворий объяснялось тем, что в страдные дни ярмарки город принимал в качестве гостей до трехсот тысяч человек, в то время как собственного населения насчитывалось в нем немногим более двадцати тысяч.

В одну из таких безымянных гостиниц и зашли сейчас жандармы, и по суровому их виду вдруг сделалось совершенно ясно, что явились они сюда не из праздности, а по срочному государственному делу.

* * *

Справедливости ради стоит сказать, что Ганцзалину город не понравился сразу.

— Кругом одно жулье, — китаец с превеликим неодобрением выглядывал из гостиничного окна на улицу, пока Нестор Васильевич Загорский брился, стоя перед трюмо над тазиком мыльной воды. — Ворюги в этом Нижнем живут, сволота всякая! Аферисты, пройдохи и проходимцы, прохвосты и протобестии, помяните мое слово.

Не переставая бриться, господин заметил, что помощника его можно использовать в качестве ходячего словаря бранных слов. А впрочем, любопытно было бы узнать, что навело Ганцзалина на столь мизантропические мысли?

— Все, — категорично отвечал китаец, — все абсолютно. Помните, сколько нам стоил вчерашний ужин в тутошней богоспасаемой ресторации? Да за такие цены небесный огонь должен сойти на землю и испепелить к чертовой матери все городские трактиры. А здешние так называемые Китайские ряды? Никакими китайцами там даже и не пахнет. В каждой лавке — родимые русские рожи. Больше того скажу, китайских товаров там тоже нет, одна отечественная мануфактура, то есть те же рожи, но только в профиль!

— Тэмпора мутáнтур, эт нос мутáмур ин йллис, — хладнокровно прокомментировал Нестор Васильевич патетическую речь своего помощника. — Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Когда-то здесь в Китайских рядах действительно торговали

китайским чаем. Больше того скажу, это был главный товар здешней ярмарки. Однако в начале шестидесятых торговля чаем в Нижнем начала угасать.

— Что — все разворовали? — осведомился Ганцалин, свирепо раздувая ноздри.

Нет, просто в шестьдесят девятом году открылся Суэцкий канал, и китайский чай стали ввозить не из Кяхты, как раньше, а морем. После чего по России он стал расходиться, минуя Нижний. Отсюда и угасание Китайских рядов, и превращение их в русские.

— Ну, хорошо, — согласился помощник, — бог с ним, с чаем. Но что вообще творится на этой ярмарке? Пьяные орут, карманники шныряют, непотребные женщины хватают за разные места верноподданных Его Императорского Величества...

— А кой черт понес тебя на Самокатную площадь? — пожал плечами Загорский. — Погулял бы лучше по торговым рядам, в крайнем случае заглянул бы в Спасский собор, привел в порядок душу и мысли.

— Что мне Спасский собор, — несколько заносчиво заявил китаец, — я хотел узнать жизнь народную.

— И что же — узнал?

Ганцалин хмуро кивнул: узнал даже ближе, чем рассчитывал. И на общем фоне народных безобразий больше всего поразил его гостиничный коридорный, который при вселении с необыкновенным нахальством потребовал от Ганцалина чаевых.

— «Пожалуйста от щедрот ваших на спасение души», — пискливо передразнил помощник незадачливого коридорного.

Нестор Васильевич слегка нахмурился, хотя бриться не перестал.

— Надеюсь, ты дал ему что-то?

Ганцалин отвечал, что в Китае он бы с большим удовольствием дал наглому попрошайке в морду. Но здесь Россия, здесь другие порядки, здесь раздолье

всяким жуликам и побирушкам. Он все это понимает, а потому, движимый гуманностью-жэнь и ритуалом-ли, дал-таки коридорному на чай две копейки. Тот был, кажется, не очень доволен, однако Ганцзалин не стал входить в детали и просто выставил его из номера.

— Ну как не стыдно, надо было дать хотя бы гривенник, — укорил его господин.

— Гривенник? — возмутился китаец. — Проще удавить его собственными руками! Между нами говоря, он и на две копейки не наработал. Не те у нас доходы, чтобы деньгами бросаться направо и налево...

Он хотел добавить что-то еще, но Нестор Васильевич внезапно прервал его, подняв указательный палец. Несколько секунд он прислушивался к чему-то, потом покачал головой.

— Что? — спросил помощник, с подозрением глядя на него.

— Ты слышишь?

— Ничего я не слышу, — проворчал китаец сердито.

— Я тоже, — кивнул господин. — Это-то и странно. Какие-то люди остановились возле нашей двери, но почему-то не стучат в нее.

— Наверняка грабители, — заявил Ганцзалин решительно, — пришли нас обворовать, зарезать и расчленить.

— Уж и расчленить? — усомнился господин.

— Именно расчленить, — настаивал китаец, — чего еще и ждать от здешней публики? Обокрасть, убить и расчленить — вот все, на что они способны. С другой стороны, хоть какое-то для нас развлечение...

Как бы в ответ на его слова в дверь постучали. Стук был решительным, волевым, в некотором смысле даже начальственным.

— На грабителей не похоже, — покачал головой Нестор Васильевич, хладнокровно заканчивая бритье.

Ганцалин подошел к двери и спросил, не отпирая ее:

— Кто там?

— Откройте, полиция, — после небольшой паузы отвечали снаружи.

— Точно, грабители, — с удовольствием заметил китаец. — Уже и запугивать начали. Я эту публику знаю. Попробуете открыть — мигом прирежут, только рожки да вошки останутся.

Не убоявшись, однако, печальных перспектив, обещанных помощником, Загорский кивнул помощнику. Тот повернул торчавший в замке ключ и отпер двери. На пороге стояли два жандарма: первым был вахмистр Песцов, за спиной его маячил унтер-офицер Огольцев.

— Его высокоблагородие господин надворный советник Загорский? — строго осведомился Песцов, глядя на Загорского поверх Ганцалина.

— Точно так, — отвечал Нестор Васильевич, с любопытством разглядывая вахмистра.

— Здравия желаю, — проговорил тот, прикладывая два пальца к фуражке. — Жандармский вахмистр Песцов. Извольте, ваше высокоблагородие, следовать за мной.

— Изволю, — согласился Загорский, — только для начала скажите, куда и зачем.

Песцов отвечал, что, согласно данному приказу, он должен препроводить его высокоблагородие в городское жандармское управление, а вот зачем — этого он знать не может, это господину надворному советнику, надо думать, объяснят прямо в управлении.

Такая туманная формулировка слегка удивила Загорского и вызвала хмурое неудовольствие у его верного Ганцалина.

— Грубияны, — пробурчал он по-китайски, — голову бы им оторвать, чтобы впредь понимали, как разговаривать с вышестоящими.

Загорский посмотрел на помощника с укором и отвечал тоже по-китайски, что бедные жандармы всего только добросовестно выполняют свой долг и нет никаких оснований для столь экстраординарных мер, как отворачивание головы.

Песцов, разумеется, не понял, о чем переговариваются Загорский с помощником, однако ориентировался на интонацию. Он слегка откашлялся, но решительной физиономии не переменял и проговорил тоже весьма определенно:

— Имеется строжайший приказ доставить господина Загорского в управление. Что же касается любых вопросов, отвечать на них не имею полномочий.

Нестор Васильевич только головой покачал.

— Вот как? — спросил он. — Строжайший приказ? Выходит, дело серьезное?

— Серьезнее некуда, — отвечал Песцов, и усики вахмистра необыкновенно строго шевельнулись под носом, свидетельствуя о непреклонности его намерений.

— Что ж, — вздохнул Загорский, — последуем пока любезному приглашению господина фельдфебеля, а там видно будет.

Заперев за собой номер и покинув гостиницу, Загорский и Ганцалин двинулись в путь, ведомые жандармами. Впереди с важным видом человека, исполняющего государственное дело, шел Песцов, за ним Загорский, потом Ганцалин, и замыкал небольшую процессию унтер-офицер Огольцев.

Спустя каких-нибудь пятнадцать минут они уже входили в Главный дом. Как уже говорилось, на время ярмарки жандармское управление переезжало из города и располагалось тут на втором

этаже, в непосредственной близости от полицейской части.

— Как у вас тут все мило, по-родственному, — заметил Загорский. — Там полиция, тут жандармерия — прямо благорастворение воздуха какое-то, а не ярмарка.

Вахмистр ничего не ответил на это двусмысленное замечание, но лишь постучал кулаком в белой перчатке в дверь, на которой красовалась табличка с нечеловечески длинной надписью: «Помощник начальника Нижегородского жандармского управления штабс-ротмистр Назаров Н.Н.».

— Войдите, — раздался из-за двери суровый баритон.

Песцов, внезапно утративший всю свою решительность, усатой пивкой проскользнул в кабинет. Дверь за ним закрылась, но спустя несколько мгновений снова открылась и изрыгнула на свет божий вахмистра.

— Прощу, — сказал он, сдвигаясь в сторону.

Загорский шагнул мимо него прямо в кабинет. За ним было направился и Ганцалин, однако был остановлен недреманной, если так можно выразиться, рукой Песцова.

— Только господин надворный советник, — сказал тот внушительно. — Разговор сугубо конфиденциальный.

Остановленный столь внезапно и столь неделикатным образом китаец взглянул на вахмистра с яростью. Бедный жандарм, конечно, не подозревал, что прямо сейчас рискует остаться без руки, которой он столь уверенно держал Ганцалина за плечо. На счастье, Нестор Васильевич кивнул помощнику и велел подождать его возле двери. Обиженный китаец небрежно сбросил со своего плеча руку вахмистра